

Тернистый путь к сознанию
(Ответ на «критический разбор» Д.И. Дубровского)*

© 2020 г. В.М. Аллахвердов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, 199034, наб. Макарова, д. 6.

E-mail: vimiiall@gmail.com

Поступила 14.03.2019

В статье описывается новый взгляд на природу психики и сознания, которые трактуются как инструменты познавательной деятельности. Излагаются полученные в последнее время экспериментальные данные, соответствующие этому взгляду. Обсуждается критика Д.И. Дубровским предложенного подхода. В 2017 г. Д.И. Дубровский опубликовал в «Вопросах философии» статью, целиком посвященную авторскому взгляду на природу сознания. Отмечается, что Дубровский, как никто другой, почувствовал его революционность, но именно поэтому признал несостоятельным. По мнению Дубровского, исходная позиция обсуждаемой статьи заведомо несостоятельна, а потому обещанная революция в психологии не состоялась: сформулированные «законы сознания» представляют ряд общих и сомнительных суждений. Автор данной статьи обращается к ведущим специалистам в области психологии и философии сознания, отстаивая свою точку зрения. По его мнению, конкретные возражения Д.И. Дубровского не выглядят убедительными и, по сути, не касаются основных идей подхода.

Ключевые слова: Сознание, психика, бессознательное, познание, проверочная деятельность.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-7-68-77

Цитирование: Аллахвердов В.М. Тернистый путь к сознанию. (Ответ на «критический разбор» Д.И. Дубровского) // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 68–77.

* Выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-06-00473а).

The Thorny Way to Consciousness (Answer to *Critical Analysis* by David I. Dubrovsky)*

© 2020 Victor M. Allakhverdov

St. Petersburg State University,
6, Makarova emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: vimiall@gmail.com

Received 14.03.2019

The article describes a new view of the nature of the psyche and consciousness, which are interpreted as tools of cognitive activity. Recent experimental data corresponding to this view are presented. Discussed D.I. Dubrovsky's criticism of the proposed approach. In 2017, D.I. Dubrovsky published an article in *Voprosy Filosofii* devoted entirely to the author's view of the nature of consciousness. It is noted that Dubrovsky, like no one else, felt its revolutionism, but that is why he recognized it as insolvent. According to Dubrovsky, the initial position of the article under discussion is obviously untenable, and therefore the promised revolution in psychology did not take place: the formulated "laws of consciousness" represent a number of general and dubious judgments. The author of this article addresses leading experts in the field of psychology and philosophy of consciousness, defending his point of view. In his opinion, Dubrovsky's specific objections do not look convincing and, in fact, do not relate to the main ideas of the approach.

Keywords: consciousness, psyche, unconsciousness, cognition, verification process.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–7-68-77

Citation: Allakhverdov, Victor M. (2020) 'The Thorny Way to Consciousness (Answer to *Critical Analysis* by David I. Dubrovsky)', *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2020), pp. 68–77.

Д.И. Дубровский опубликовал в «Вопросах философии» [Дубровский 2017] статью, целиком посвященную моему взгляду на природу сознания. Несмотря на критическую оценку, хочу выразить признательность своему оппоненту. Во-первых, за публикацию в столь престижном философском журнале статьи о моих работах, – не каждый психолог удостоивался такой чести. А во-вторых, за вызванное моими работами возмущение. И ведь Д.И. Дубровский критиковал меня не за мои философские взгляды, а за психологические. Дубровский называет меня главным провозвестником отношения к сознанию как к неразгаданной тайне. Для меня действительно важно признать – если за много веков мы не достигли существенного прогресса в понимании сознания, значит, надо искать еще не опробованный путь. Дубровский же уверяет: нельзя всерьез говорить о неразрешимых загадках и парадоксах сознания. Он объявляет парадоксальной мою позицию. Если, по мнению Аллахвердова, никто не знает, что такое сознание, то, следовательно, он и сам не знает, а тогда о чем пишет? Но ведь сознание как эмпирический феномен известен каждому, а вот ясного теоретического понимания природы этого феномена не существует.

Как ни странно, сам Дубровский [Дубровский 2010, 128] загадочность сознания признает: «Загадка сознания всегда волновала умы философов... Суть этой проблемы

* This work was supported by RBRF grant No. 17–06–00473a.

четко выражена И.П. Павловым: каким образом материя мозга производит субъективное явление». И предлагает разгадку. Содержание сознания – информация в «чистом» виде, ибо ее мозговой носитель нами не отображается. «Провал» в объяснении возникновения субъективной реальности – фикция. Просто эта реальность, по Дубровскому, «знаменует новый уровень организации информационных процессов, который обеспечивает производство информации об информации» [Дубровский web]. И удивляется, что «такой простой, казалось бы очевидный путь преодоления “провала” не получил широкой поддержки» [Там же]. Все верно. Сознание, безусловно, работает с информацией. Л.М. Веккер называл «корневым свойством психики», что психика отражает не состояние мозга, а внешний мир. Но остается непонятным, почему информация об информации сама по себе порождает субъективные явления.

Сходную с позицией Дубровского идею обсуждает А. Клирманс. Он рассматривает нейросеть двух уровней. На первом происходит обработка поступающей информации. Эта нейросеть, полагает Клирманс, хорошо описывает бессознательное познание. Нейросеть второго уровня наблюдает и изучает работу нейросети первого уровня и пытается по ее работе воссоздать представление о мире и о себе. «Первая сеть – это мозг, который изучает внешний мир; вторая сеть – мозг, который изучает сам себя» [Клирманс 2014, 34]. Сознание, по Клирмансу, включает в себя эту вторую сеть. Но включает, а не сводится к ней! Ведь остается загадкой – как и зачем мозг, изучая собственные нейросети, порождает осознанность. Замысел Клирманса в принципе можно реализовать на компьютере. Но разве станет после этого компьютер осознавать?

Анализ различных психологических концепций показывает, что с помощью физических, биологических, физиологических, социологических и иных до сих пор используемых аргументов объяснить феномен сознания не удается. Дубровский же, видимо, ознакомился лишь с кратким резюме этого анализа и, процитировав несколько моих пассажей, заявил: комментарии излишни. Но демонстративное молчание лишь подтверждает основной тезис: объяснить сознание не удалось. В противном случае достаточно было бы привести это объяснение.

Когнитивные психологи ближе всех подошли к разгадке. В противовес бихевиоризму они стали изучать сознание и призвали к созданию архитектуры познавательных процессов, ориентируясь на компьютерную метафору, в которой принципиальное значение имеет «программа» (software), а не «носитель» (hardware). Но когда Дж. Миллер и Дж. Брунер создавали в Гарварде Центр когнитивных исследований, то они создавали его не за, а против – против бихевиоризма. Только это «против» всех и объединяло. Но на протесте теории сознания не построить. А потому их исследования все больше становятся сугубо эмпирическими. Все чаще когнитивные психологи стали описывать когнитивные процессы как сводимые к физиологии. Использование методов мозгового картирования становится пропуском к публикации в престижных когнитивистских журналах. Мода на нейрофизиологические методы привела к бесконечному поиску нервных коррелятов психических процессов, вырождаясь в «новую френологию» [Уттал 2001]. Но ведь в эту же сторону смотрели и бихевиористы! Их тоже тянуло описывать свои результаты со ссылкой на физиологию. То, что объединило всех когнитивистов, – противопоставление бихевиоризму – обратилось в прах. Методологи объявляют о неразрывном родстве когнитивизма и бихевиоризма [Смит 2003], А. Ребер называет когнитивную психологию частью бихевиоризма, а Т. Лихи [Лихи 2003] – его позднейшей формой.

И все же со стороны виднее. Философ В.А. Лекторский [Лекторский 2008, 7] так сформулировал когнитивистскую посылку: познавательные процессы лежат в основе всех психических функций, в том числе эмоций, мотивации, воли. Я предложил следующее: вся психика и сознание – лишь инструменты познавательной деятельности. Еще Л. Витгенштейн объявил теорию познания философией психологии [Витгенштейн 1994, 24], а Дж. Келли [Келли 2000, 13] предлагал рассматривать человека как ученого, а не как биологическое существо, насыщенное биологическими нуждами. Сознание призвано работать на познание. Поскольку сознание – самое ценное достояние

человека, постольку познание является основной потребностью человека. Человек живет для познания, а не познает, чтобы жить. Жизнь – всего лишь необходимое условие познания. Конечно, существуют врожденные механизмы самосохранения. Но именно познание – ключ к пониманию психики.

Мой оппонент возмутился: со взглядом на сознание как на инструмент познания нельзя согласиться, «такая позиция заведомо несостоятельна»: «...за бортом остаются актуальнейшие вопросы онтологии, аксиологии и праксеологии сознания, вся экзистенциальная проблематика, задача объяснения субъективной реальности» [Дубровский web]. Но почему за бортом? Если мы поймем, как работает сознание, то, возможно, поймем и то, как и зачем оно порождает осознание, социальные отношения (ведь социальное же не в бессознательном состоянии возникает), а затем и язык, ценности, экзистенциальные переживания и т.д.

Вряд ли кто-нибудь будет отрицать, что мозг – это мощная познающая машина. Введем идеализацию. Допустим, что мозг – идеальный познающий механизм, на работу которого не наложено вообще никаких ограничений – он мгновенно и безошибочно перерабатывает любые объемы информации, эффективно регулирует деятельность и т.п. Близкие, но более частные идеализации вводят и другие авторы. Так, К. Фрит [Фрит 2010] вводит представление о мозге как об «идеальном байесовском наблюдателе». А. Клирманс [Клирманс 2007] выводит тезис о радикальной пластичности сознания и т.д. Сформулируем две проблемы, которые и определяют мой подход. Проблема первая: Если психика и сознание – необходимые блоки в структуре переработки информации мозгом, то зачем идеальному мозгу понадобились эти дополнительные блоки? Проблема вторая: Если осознанность – это специфическая маркировка информации, то почему эта маркировка возникает и какую роль играет так маркированная информация?

Мозг должен обладать врожденными алгоритмами познания. Ведь для того, чтобы познавать, надо уже уметь познавать. Однако оптимальных алгоритмов познания не существует. Все попытки формализации даже самых простых познавательных задач приводят к неразрешимым проблемам (теорема Геделя о неполноте, теорема о невычислимости сложности информации по Колмогорову и т.д.). Не существует и единственного критерия эффективности познавательной деятельности. Ведь заранее не может быть известно, что должно получиться в итоге познания, а потому по ходу познавательной деятельности никогда до конца неясно, что в получаемых знаниях надо сохранять, а что – отбросить. Так, ошибочные знания обычно не эффективны, но, тем не менее, они могут оказаться эвристичнее правильных, то есть с точки зрения будущего быть эффективными. Классический пример – система Коперника была эвристичнее системы Птолемея, хотя хуже (менее точно) описывала известные астрономические данные до тех пор, пока Кеплер не переправил круговое вращение планет вокруг Солнца на эллиптическое.

Если алгоритмы познания не оптимальны, если нет возможности однозначно оценивать результаты их работы, то эти результаты надо специально проверять. Дубровский этой проблемы, похоже, не видит. Он полагает, что психические функции потому столь удачны, что они способствуют выживанию. (Ср. у сторонников эволюционной психологии [Палмер, Палмер 2006, 19]: «Психические функции не существовали бы, не будь они сформированы естественным отбором».) Но я как раз не верю в подобные объяснения. Естественный отбор не может сформировать психику и сознание. Если без психики и сознания животное не способно выжить в сложной среде, то оно просто не выживет. Если предположить, что у животного еще до попадания в сложную среду психика и сознание вдруг случайно появились, а уже потом закрепились, то тем самым заведомо констатируется, что их возникновение не подлежит объяснению. Трудность подобного подхода подчеркивает курьезное решение, предложенное А.Н. Леонтьевым [Леонтьев 1972, 26]. Почему возникает психика? – спрашивает Леонтьев. Потому что животное перешло к более сложным формам жизни. А почему оно перешло к более сложным формам жизни? Потому что у него возникла психика.

Объяснения со ссылкой на выживание принципиально не фальсифицируемы – это признают даже сторонники подобных объяснений. Критики уверяют, что они и не верифицируемы. Биологи утверждают, что критериев выживания не существует: просто все живущие виды выжили, а вымершие – нет. Выжить не удастся никому, а потому нельзя решить, что должен делать индивид, чтобы лучше выживать. Цель «выжить» неконкретна, она не позволяет человеку разработать направленную на достижение этой цели программу сознательных действий, а психолог, опираясь на принятие такой цели, не может построить теорию.

Мое предложение рассматривать психику и сознание как механизмы проверочной деятельности Д.И. Дубровский оценивает крайне сурово; реакция на подобные мои тексты у него одна: «Как говорится, без комментариев». Он поражен: ведь если сознание только проверяет, то само ничего не созидает. А это противоречит представлению о роли сознания в порождении творческих идей, в принятии сложных решений, в формировании моральных и духовных ценностей и т.д. Но я ничего подобного не говорю. По результатам проверки сознание санкционирует принятие тех, а не иных, идей, решений и ценностей. Сознание ведет себя как генеральный менеджер мозга. Оно само не готовит решений, а получает варианты из нижележащих отделов, но без его санкции серьезные решения никогда не будут приняты.

Моя позиция имеет экспериментальную поддержку. Многочисленные исследования последних лет демонстрируют, что неосознанно человек принимает, хранит в памяти гораздо больше информации, чем осознает, и намного быстрее и точнее ее перерабатывает. Даже то, что раньше считалось исключительной прерогативой сознания (принятие сложных решений, семантические преобразования, постановка целей, социальные оценки, моральные суждения и многое другое), – все это вначале делается неосознанно и лишь потом осознается. Д.И. Дубровский ошибочно решает, что описанные результаты получены исключительно в проводимых мной экспериментах и почему-то считает это достаточным, чтобы не воспринимать всерьез. Но ведь отнюдь не только я делаю подобное обобщение экспериментальных данных (ср., например, [Bargh, Ferguson, 2000, 926] и др.).

Правда, эти выводы получены из анализа косвенных физиологических и поведенческих показателей. Поэтому идут бурные дискуссии как по методическим аспектам, так и по трактовкам полученных результатов (см., например: [Newell, Shanks 2014]). Но, тем не менее, данные о том, что человек самые разные задачи вначале решает неосознанно и только потом это решение осознает, нарастают лавинообразно. Ими нельзя пренебречь. Дубровский же отмахивается от таких экспериментальных свидетельств и даже не пытается дать им свою интерпретацию.

Для моей исследовательской группы демонстрация уникальных возможностей неосознаваемого принципиальна, поскольку подтверждает исходную позицию. И нам удалось показать это для очень разных задач. Оказалось, что человек различает сенсорные сигналы в зоне осознанного неразличения; способен проводить семантическую обработку стимулов, предъявленных с такой скоростью, что даже не подозревает, что ему вообще было что-либо предъявлено; помнить информацию, о которой он в лучшем случае знает лишь то, что он ее забыл; способен почти мгновенно перемножать трехзначные числа, искренне уверяя, что совершенно не умеет этого делать; неосознанно регистрирует собственные перцептивные, мнемические, грамматические, вычислительные ошибки, даже не подозревая, что он сделал ошибку, и т.д.

Я предполагаю, что психика и сознание предназначены для проверки результатов познавательной деятельности, для соотнесения их с реальностью. Однако возникает логическая ловушка: непосредственно сличить получаемые результаты с реальностью невозможно. Результат познания – это нечто, полученное познавательным устройством (будь то компьютер, мозг или разум) и находящееся внутри этого устройства, а реальность – это нечто, выходящее за пределы этого устройства. Сознание свои представления о реальности не может сравнивать с реальностью, поскольку в сознании есть только представления о реальности, а не сама реальность. (Сравните со сказанным

ранее: сознание не созидает идеи, а получает их готовыми.) Как, например, можно соотносить образ с предметом, если последний дан субъекту только в виде образа? И. Кант пишет: знание об объекте нельзя сравнивать с самим объектом, «я могу судить лишь о том, согласуется ли мое знание об объекте с моим же знанием об объекте» [Кант 1980, 357]. Как человек может убедиться в правильности знаний о самом себе? Сравнить свое представление о себе с самим собой? Но человеку известны только свои представления о себе, а не он сам как таковой. Но если знания можно сравнивать только со знаниями же, то как проверить их правильность?

Кант в поисках решения разложил человеческое познание на два независимых ствола – чувственность и рассудок. Чувственные и рассудочные знания дают сознанию представления совершенно разных типов. Они имеют свои различные и независимые друг от друга средства. Однако оба элемента познания свидетельствуют об одном и том же поле предметов. А потому, если они вместе приходят к согласованному результату, то есть надежда (хотя никогда не может быть полной уверенности), что полученный результат зависит не от способов познания, а от реальных свойств мира. Методологи науки также говорят о необходимости независимой проверки гипотез. Ведь гипотеза не может подтверждаться теми данными, на основании которых она получена. Лучше же всего, если индуктивно найденные законы получают логическое обоснование, а дедуктивно выведенные следствия – эмпирическое подтверждение. Итак, если сравниваемые знания получены независимо друг от друга (с помощью разных алгоритмов, на разных массивах информации, со своими собственными правилами проверки полученных результатов и т.д.), то их сопоставление может проверять друг друга.

Н.А. Бернштейн в качестве независимых способов познания рассматривал сенсорные системы и считал, что они проверяют друг друга «перекрестной выверкой показаний сенсорных синтезов» [Бернштейн 1966, 228]. Для нашего рассмотрения не столь существенно, какие конкретно схемы используются. Ведь речь идет о чистой автоматике, действующей без психики и сознания. Впрочем, я предполагаю существование двух параллельных схем: 1) информационной, проводящей непрерывный сенсорный мониторинг, формирующей по заданным алгоритмам ожидания и проверяющей совпадение ожидаемой и поступившей информации; 2) регулятивной, строящей по заданным алгоритмам гипотезы о возможности своих действий в мире, исходя из них – планы по управлению собственным телом и двигательной активностью, и проверяющей, был ли достигнут запланированный результат. Только при взаимном соответствии полученных в разных схемах результатов есть надежда получить знание, не зависимое от способа познания.

Однако прямой обмен информацией между схемами невозможен, иначе потеряется их независимость друг от друга. Поэтому необходим еще один блок познания, способный сопоставлять между собой результаты, полученные в разных схемах. Я называл этот блок по-разному. И здесь критика Дубровского, обвиняющего меня в неустойчивой терминологии, вполне справедлива. Но мой подход не является завершенной теорией, о чем я всегда предупреждал. А термины определяются однозначно только тогда, когда они входят в теорию. В отсутствие теории термины «психика», «сознание», «бессознательное» стали омонимами, имеющими огромное число не связанных между собой, а иногда и противоречащих друг другу значений. Любое строгое определение термина сузит возможности его применения, не передаст всего богатства связанных с этим словом коннотаций, а потому всегда может быть подвержено критике. Но и полностью отказаться от привычной психологической терминологии невозможно. Здесь я буду условно называть вводимый блок сопоставления психикой (на английском языке, наверное, лучше использовать mind).

Как, однако, психика может сравнивать конструкции, построенные на совершенно разных языках, например на сенсорном и моторном? Генетически заданных правил перевода с одного языка на другой не может существовать, иначе нет независимости. (Правда, существуют фиксированные образцы перевода – конкретные связи сенсорного

и регулятивного, автоматически выполняемые в системе жизнеобеспечения, но не о них речь). Но возможность научиться переводить с одного языка на другой существует. Только как возможный пример упомяну гештальтистскую идею: искать изоморфные отношения между фрагментами двух языков (а далее проверяем, сохраняется ли эта изоморфность при изменении ситуации). Возможен вариант в духе И.П. Павлова: если в разных схемах одновременно получен подтвержденный проверкой результат, отождествляем созданные в этих схемах структуры описания реальности друг с другом (и далее проверяем – если поступает та же сенсорная информация, возможны ли те же самые телесные реакции? И т.д.). Можно строить нейросетевые модели. Я не стану измышлять гипотез, как это конкретно происходит, – сама автоматика процессов, конечно, важна, но пока не принципиальна.

Есть, однако, проблема коварнее, не связанная с применением той или иной математической техники. Допустим, проверка оказалась успешной. Но если базовые схемы получают сообщение об установленной связи, они становятся связанными друг с другом и теряют свою независимость. А если они не получают информации о результатах сопоставления, то их работа не может корректироваться. Базовые схемы, таким образом, должны получать сообщение о результатах проверки, но одновременно они не должны его получать. Я предложил такой выход: психика, зафиксировав удачный вариант сопоставления, дает сигнал в базовые схемы не о конкретном результате, достигнутом в данный момент, а оценивает работу в целом. И никакие конкретные количественные оценки (о том, например, что и насколько надо изменить в какой-либо из схем) передаваться не могут. Сам качественный сигнал напоминает эмоцию – он выполняет функцию оценки и субъективно переживается.

Созданные на психическом уровне конструкции тоже должны подвергаться независимой проверке. Они проверяются на внутреннюю согласованность, непротиворечивость. Условно назовем этот уровень познания сознанием. На этот уровень отбираются только те психические конструкции, которые или не вступают в противоречие с ситуацией, ранее определенной сознанием, или сознание с помощью логических процедур избавляется от возникших противоречий. При этом, как только сознание начинает работать с психическими конструктами, так сразу возникает качественный (субъективно переживаемый, осознаваемый) сигнал, сообщающий, что эти конструкции уже подтверждены на уровне психики. Дубровский не различает сознание как теоретический термин и сознание как эмпирический феномен, а потому недоумевает: как сознание может проверять осознанное?

Отобранные сознанием непротиворечивые конструкции тоже надо независимо проверять. С этой целью наделенный сознанием человек начинает вступать в социальные отношения, суть которых – взаимопроверочные действия. Постепенно это приводит к формированию социальных ритуалов и языка. В свою очередь, использование языка порождает непосредственно не наблюдаемые конструкции: о вечности, об иррациональных числах, о добре, истине и т.д. Эти конструкции тоже надо проверять. Однако независимые схемы проверки не могут нарастать до бесконечности. Предполагаю, что самая последняя схема проверки наступает тогда, когда для объяснения причин собственных действий сознание создает концепцию Я, то есть формирует представление о самом себе, о своей личности, всем в человеке управляющей. Поскольку сознание стремится к непротиворечивости, то оно старается подтверждать собственные представления о себе, сличая эти представления со своим состоянием и поведением. Как я писал, подлинная драматургия жизни предстает перед нами как попытка доказать самому себе, что я действительно такой, как о себе думаю.

В целом из этих рассуждений выводимы различные следствия, проверяемые в экспериментах. Мой подход, вопреки мнению Дубровского, объясняет как ведущую роль сознания на всех этапах творческого процесса, так и природу загадочных фаз инсайта и инкубации в творческом акте, и такое объяснение подтверждается экспериментально [Аллахвердов 2001; Аллаxвердов, Гершкович и др. 2015]. Обычно же роль сознания в этом процессе только декларируется, ибо одновременно признается, что для

порождения творческих идей желательно сознание отключать (стандартные рекомендации творцам: расслабьтесь, почувствуйте себя ребенком, говорите первое, что приходит в голову, и т.д.).

У. Джеймс ввел важное для психологии представление о непрерывном, вечно изменяющемся потоке сознания. Он, по сути, констатировал простой факт: не только бессмысленно, но и невозможно думать без изменения одну и ту же думу. Посмотрим на это со стороны нашего подхода. Блок сознания работает всегда (как и любой автомат), но работает он с противоречиями, с несоответствием поступающей информации ожидаемой, с двусмысленностью и т.д. Если поставляемая психикой информация не будет содержать ничего нового, ничего противоречивого, то сознание не будет с этой информацией работать, и эта информация перестанет осознаваться. Однако если сознание будет само вносить в эту информацию изменения, то это может сохранить ее осознанность. Мной был сформулирован закон (названный законом Джеймса): неизменная стимуляция ускользает из сознания или трансформируется. И тому есть многочисленные подтверждения: изображение, стабилизированное относительно сетчатки, перестает осознаваться уже через 1–3 с. после начала предъявления; многократное повторение одного и того же слова приводит к субъективному ощущению утраты его смысла; в сознании не удерживаются многократно повторяемые действия – говорят, они автоматизируются; человек не способен удерживать в сознании неизменный набор знаков в течение даже небольшого времени – мол, он их забывает.

Сказанное демонстрирует, что для объяснения забывания совершенно необязательно вводить логически неоправданные и эмпирически опровергаемые гипотезы о разрушении следов в памяти или об их наложении друг на друга. Разумеется, закон Джеймса объясняет не всю феноменологию забывания – работают и другие законы. Но становится понятно, почему мнемонические приемы, направленные на трансформацию осознанной информации, позволяют удерживать в сознании существенно больше информации. (Для сторонников идеи ограниченности ресурсов замечу: чем больше ресурсов требует применение мнемонических приемов, тем лучше запоминание, а не наоборот.) Согласно такой логике, и логически противоречивые предложения, и слова, которые испытуемый осознает как омонимы, должны дольше удерживаются в памяти, чем непротиворечивые предложения и слова, омонимами не являющиеся.

Пример с законом Джеймса показывает, что законы сознания работают во всем диапазоне психических явлений. Стандартная классификация психических процессов, наоборот, побуждает искать отдельные причины для якобы разных процессов. Поэтому, к возмущению Д.И. Дубровского, я предлагаю от этой классификации отказаться (кстати, вслед за достаточно большим числом психологов). Дубровский удивлен: неужели я не отличаю ощущение красного от умозаключения? Станный аргумент. Все-таки даже самые большие поклонники подобных классификаций не считают, что все, что человек различает, относится к разным процессам. Классификация психических процессов построена по разным основаниям (ощущение отличается от восприятия отнюдь не по тому же основанию, по какому внимание отличается от речи), она не является ни достаточной, ни необходимой. Как можно доказать, что понимание является частью процесса мышления, а воображение – отдельный процесс? Сам Дубровский причисляет желание к отдельным психическим процессам, хотя оно в канонический список психических процессов не входит. Стандартная классификация перечисляет (на мой взгляд, не слишком удачно) некоторые задачи, которые в зависимости от специфики поразному решает человек. Но, как советовал И. Ньютон, мы должны приписывать те же причины того же рода проявлениям природы. Пока не доказано обратное, мы должны предполагать, что человек, решая любые задачи, опирается на одни и те же законы.

Все предполагаемые блоки работают детерминировано по заданным программам, но представление о самом себе как самостоятельно (свободно) управляющем своим поведением неизбежно будет проверяться: действительно ли мое Я свободно в своих действиях, могу ли я сделать что-нибудь ничем не детерминированное? Так сознание будет детерминировано подтверждать свободу созданной им личности [Аллахвердов 2017].

Предложенный мной подход наверняка заслуживает критики, а может, и отвержения. Но странно, что столь глубокий философ, как Д.И. Дубровский, прошел вдалеке от моего замысла. Допускаю, что это следствие невнятности моих текстов, большого количества «дыр» в рассуждениях. Но, возможно, за этим скрывается более благожелательный замысел? Во всяком случае, Дубровский своей беспощадной критикой привлёк внимание к моим работам, и уже за это я благодарен Давиду Израилевичу.

Источники – Primary Sources in Russian and Russian Translations

Бернштейн 1966 – *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966 [Bernstein, Nikolai A. *Essays on the physiology of movements and activity* (in Russian)].

Витгенштейн 1994 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть 1. М.: Гнозис, 1994 [Wittgenstein, Ludwig *Logisch-Philosophische Abhandlung* (Russian Translation)].

Кант 1980 – *Кант И.* Логика. Пособие к лекциям 1800 // *Кант И.* Трактаты и письма. М.: Наука, 1980 [Kant, Immanuel *Logik: Ein Handbuch zu Vorlesungen* (Russian Translation)].

Леонтьев 1972 – *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М.: МГУ, 1972 [Leont'ev, Alexey N. *Problems of psyche development* (in Russian)].

Ссылки – References in Russian

Аллахвердов 2001 – *Аллахвердов В.М.* Психология искусства. СПб.: ДНК, 2001.

Аллахвердов 2017 – *Аллахвердов В.М.* Сознание и проблема свободы воли // Журнал высшей нервной деятельности. 2017. Т. 67. № 6. С. 734–738.

Аллахвердов, Гершкович и др. 2015 – *Аллахвердов В.М., Гершкович В.А., Карпинская В.Ю., Морошкина Н.В., Науменко О.В., Тухтиева Н.Х., Филиппова М.Г.* Эвристический потенциал концепции Я.А. Пономарева // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 24–34.

Дубровский 2010 – *Дубровский Д.И.* Явления сознания и мозг: проблема расшифровки их нейродинамических кодов // *Григорьева А.И.* (ред.). Мозг: фундаментальные и прикладные проблемы. По материалам Научной сессии Общего собрания Российской академии наук 15–16 ноября 2009 г. М.: Наука, 2010. С. 128–136.

Дубровский 2017 – *Дубровский Д.И.* Сознание как «загадка» и «тайна»: к парадоксам «радикального когнитивизма» // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 151–161.

Дубровский web – *Дубровский Д.И.* Сознание, мозг, искусственный интеллект // http://www.dubrovsky.dialog21.ru/nauchnye_texty/sozn_mozg.htm

Келли 2000 – *Келли Дж.* Теория личности. Психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000.

Клирманс 2014 – *Клирманс А.* Сознание и внимание: петли научения в мозге (Доклад) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2014. 4. С. 25–40.

Лекторский 2008 – *Лекторский В.А.* Философия и исследования когнитивных процессов. Вмesto введения // *Лекторский В.А.* (ред.). Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2008.

Лихи 2003 – *Лихи Т.* История современной психологии. СПб.: Питер, 2003.

Палмер, Палмер 2006 – *Палмер Дж., Палмер Л.* Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. М.: Прайм-Еврознак, 2006.

Смит 2003 – *Смит Н.* Современные системы психологии. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.

Фрит 2010 – *Фрит К.* Мозг и душа. Как физиология формирует наш внутренний мир. М.: CORPUS, 2010.

References

Allakhverdov, Viktor M. (2001) *Psychology of Art, DNA*, St. Petersburg (in Russian).

Allakhverdov, Viktor M. (2017) 'Consciousness and the problem of free will', *I.P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity*, 67, 6, pp. 734–738 (in Russian).

Allakhverdov, Viktor M., Gershkovich, Valeria A., Karpinskaya, Valeria Y., Moroshkina, Nadezda V., Naumenko, Olga V., Tukhtieva, Nadezda H., Philippova, Maria G. (2015) 'Heuristic potential of Ponomarev's conception' *Psikhologicheskii zhurnal*, 36, 6, pp. 24–34 (in Russian).

Bargh, John A., Ferguson, Melissa J. (2000) 'Beyond Behaviorism: On the Automaticity of Higher Mental Processes', *Psychological Bulletin*, 126, 6, pp. 925–945.

Cleeremans, Axel (2007) 'Consciousness: The Radical Plasticity Thesis', *Progress in Brain Science*, 168, pp. 19–33.

Cleeremans, Axel (2014) 'Consciousness and Attention: Learned Loops in the Brain', *Vestnik of Saint-Petersburg University, Series 16. Psychology. Education*, 4, pp. 25–40 (in Russian).

Dubrovsky, David I. (2010) 'Phenomena of Consciousness and Brain: The Problem of Decoding Its Neurodynamical Codes', *Brain: Fundamental and Applied Problems*, Science, Moscow, pp. 128–136 (in Russian).

Dubrovsky, David I. (2017) 'Consciousness as *Riddle and Mystery*: The Paradoxes of *Radical Cognitivism*', *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2017), pp. 151–161 (in Russian).

Dubrovsky, David I. *Consciousness, Brain, Artificial Intelligence*, http://www.dubrovsky.dialog21.ru/nauchnye_texty/sozn_mozg.htm (in Russian).

Frith, Christopher D. (2010) *Making up the Mind. How the Brain Creates Our Mental World*, Corpus, Moscow (Russian Translation).

Kelly, George (2000) *a Theory of Personality. The Psychology of Personal Constructs*, Speech, St. Petersburg (in Russian).

Leahey, Thomas H. (2003) *A History of Psychology*, Piter, St. Petersburg (Russian Translation).

Lektorsky, Vladislav A. (2008) 'Philosophy and research of cognitive processes. Instead of introduction', *Cognitive Approach: Philosophy, Cognitive Science, Cognitive Disciplines*, Kanon+, Moscow (in Russian).

Newell, Ben R., Shanks, David R. (2014) 'Unconscious Influences On Decision Making: A Critical Review', *Behavioral and Brain Sciences*, 37, pp. 1–61.

Palmer, Jack, Palmer, Linda (2006) *Evolutionary Psychology. The Ultimate Origins of Human Behavior*, Prime-Eurosign, Moscow (Russian Translation).

Smith, Noel W. (2003) *Current Systems in Psychology. History, Theory, Research, and Applications*, Prime-Eurosign, St. Petersburg (Russian Translation).

Uttal, William R. (2001) *Life and Mind: Philosophical Issues in Biology and Psychology. The New Phrenology: The Limits of Localizing Cognitive Processes in the Brain*, The MIT Press, Cambridge, MA, US.

Сведения об авторе

АЛЛАХВЕРДОВ Виктор Михайлович – доктор психологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Почетный президент Санкт-Петербургского психологического общества.

Author's Information

ALLAKHVERDOV Victor M. – DSc in psychology, Professor, St. Petersburg State University, Honorary President of the St.-Petersburg Psychological Society.